

Кукольник Нестор Васильевич

Повести и рассказы

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Повести и рассказы: Том 3 / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 601 с.

ISBN 978-5-519-91659-2

ISBN 978-5-519-91659-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Егоръ Ивановичъ

СИЛЬВАНОВСКІЙ.

или

ЗАВОЕВАНІЕ ФИНЛЯНДІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

—

I.

Все заимствовано человекомъ у природы. И узоры ситцевъ взяты съ финляндскихъ шхеръ, съ этихъ безчисленныхъ острововъ, которыми обсыпано Великое Княжество вдоль живописныхъ береговъ своихъ. Но архипелагъ противъ Або по истинѣ натуральный ситецъ, одни имена острововъ составили немалый томъ, а сколько еще безъимянныхъ! На одномъ изъ этихъ острововъ, по имени Римито, стоялъ старинный замокъ, огражденный моремъ и грапитомъ отъ всякаго человеческого покушенія. Не смотря на воинственный видъ свой, замокъ походилъ болѣе на островъ Цитеры, потому что прелестная баронесса, во временномъ вдовствѣ своемъ, не хотѣла скучать, и въ отсутствіи мужа любила убивать скучное время въ мужской бесѣдѣ; мужъ былъ далече съ непобѣдимымъ королемъ Шведовъ, съ сѣвернымъ Александ-

ромъ; громилъ Датчанъ, Поляковъ и насъ. безъ прервы, и утѣшалъ супругу вѣжными письмами, которыя могли служить лучшими матеріалами для его біографіи: съ величайшею подробностью онъ описывалъ сраженія, число убитыхъ и плѣнныхъ; сколько удалось извести народа ему самому; сколько другу его, также барону и сосѣду, у котораго былъ замокъ, жена и дѣти на другомъ островѣ, имени котораго я не открылъ. Баронесса Отилія читала эти вѣжныя письма больше по обязанности, и отвѣчала на нихъ офиціальнымъ образомъ, а именно:

«Любезный баронъ! Письмо ваше отъ такого-то числа я получила. Успѣхи оружія королевскаго приводятъ всю Финляндію въ восторгъ. Мы, то и дѣло, празднуемъ ваши побѣды. Желая вамъ и лавровъ и благополучнаго возвращенія, долгомъ почитаю донести, что наша единородная Августа счастливо перенесла оспу, не оставившую ни малѣйшаго слѣда, и теперь весьма оправляется. Старый Робертъ просилъ у меня позволенія, на отмели противъ замка поставить настоящій маякъ, потому что суда нерѣдко тутъ терпятъ поврежденія, а противъ бесѣдки, въ большомъ саду, устроить ванны, потому что Абоскіе ученые нашли, что въ этомъ мѣстѣ лучше купаться, нежели во всѣхъ здѣшнихъ шхерахъ. Не зная вашей на этотъ счетъ воли, я не осмѣлилась разрѣшить Роберта, но не могу скрыть, что отъ этого мы могли бы много выиграть, потому что уже и теперь Абоскіе гости занимаютъ у поселенцевъ лачужки и купаются въ томъ мѣстѣ. Такъ какъ весна въ началѣ, то, съ вашего позволенія, все могло бы быть окончено къ половинѣ іюли, къ самому лучшему времени для морскихъ купаній. Больше писать нечего.

«Ваша вѣрная Отилія.»

Какъ это письмо, такъ и всѣ другія, какія вамъ читать случится, требуютъ комментарія. Не мѣстные выгоды купальень, а красота и любезность Отиліи были причиною, что островъ Римито вдругъ превратился въ цѣлебный. Абоскіе профессора, какъ и всѣ доктора на свѣтъ, потворствовали склонностямъ пациентовъ и, дѣйствительно, дали факультетскую аттестацію Римито. Замѣчательно, что больные купальники болѣею частию были холостые люди, и страдали неясцѣлимою болѣзнию: страстною, пламенною любовію къ баронессѣ. Одинъ изъ Абоскихъ профессоровъ и самъ захворалъ тѣмъ же недугомъ и, не смотря на лѣта, усердно прохлаждалъ пылающее тѣло—цитерскими волпами. Черный любовникъ выдумалъ еще предлогъ для своего сближенія съ обитательницею замка. Онъ усердно занимался воспитаніемъ семилѣтней Августы и училъ ее латинскому языку, вѣроятно для того, чтобы она могла переводить маменькѣ тѣ стихи, которыя профессоръ сочинялъ въ честь Отиліи. Семилѣтняя Августа ничего не теряла отъ этихъ уроковъ; профессоръ, кромѣ латинскаго языка, былъ свѣдушъ во многихъ наукахъ; бесѣды его полюбила любознательная дѣвочка; профессоръ умѣлъ понравиться питомицѣ, очень хорошо понимая, что мать всегда любитъ тѣхъ, которые любятъ ея дѣтей. Отилія, съ своей стороны, при всей проницательности зрѣлой кокетки, никакъ не могла догадаться, что руководило профессорскимъ сердцемъ, съ призвательною принимала его услуги, обращалась съ нимъ ласко-

во, даже дружески. Профессоръ сталъ домашнимъ, вскорѣ и необходимымъ челоѡкомъ. Въ семейномъ совѣтѣ онъ имѣлъ почетное мѣсто и нерѣдко кастелянъ Робертъ долженъ былъ уступать его умствованіямъ. Такъ случилось и на послѣднемъ совѣщаніи, которое было причиною настоящаго разсказа. Кастелянъ Робертъ возстаналъ, всѣми силами своего ума и краснорѣчія, противъ проекта Абоской молодежи.

— «Баронесса,» говорилъ старикъ: «я и такъ не знаю, что буду отвѣчать барону по многимъ статьямъ нашего поведенія. Во-первыхъ, непрерывные праздники, гулянья, охота, иллюминаціи — все это истощаетъ казну зѣмка, а доходы теперь плохіе. Съ эстляндскихъ нашихъ помѣстій мы не получаемъ ничего; подѣ предлогомъ войны, арендаторы не платятъ. Во-вторыхъ...»

— «Да я не вижу,» перебила Отилія: «отчего поѣздка въ Або можетъ привести ущербъ твоей казнѣ; компаніоны и не позволяютъ мнѣ сдѣлать какіе либо расходы. Мы пробудемъ тамъ съ недѣлю. Для зѣмка — это истинная экономія...»

— «Такъ, по баронъ именно изволилъ наказывать, чтобы ваша милость никуда не уѣзжали съ острова...»

— «Такіе паказы,» перервалъ профессоръ: «могутъ давать только варвары. Просвѣщенные люди могутъ имъ и не повиноваться. Война продолжится десять, пятнадцать лѣтъ; и лучшую пору жизни, когда во цвѣтѣ всѣ прелести, когда возрастъ требуетъ всѣхъ невинныхъ утѣхъ, а образованіе из-

браннаго общества — баронесса должна заживо сидѣть въ этомъ каменномъ гробѣ и утѣшаться успѣхами шведскаго оружія. Побѣдамъ этимъ конца не будетъ, потому что Карлъ молодъ, и остановится, какъ Александръ Македонскій, тамъ, гдѣ можетъ быть теперь и самое имя его еще неизвѣстно. А баронесса тутъ сиди и читай реляціи. Нѣтъ! Это безчеловѣчно, противуестественно. Баронъ и самъ не далъ бы такого приказанія, еслибъ зналъ Карла! Никто изъ насъ не ожидалъ, что изъ этого юноши выйдетъ первый завоеватель міра! Пустяки! Тутъ и спорить нечего о томъ, можно ли вхаты или нельзя. Мы должны разсудить только, какъ снарядиться въ путь, кого и что взять, какъ перевезти гардеробъ баронессы. Такъ сказать, хозяйственныя мѣры должны быть обсужены — и я подаю голосъ взять съ собою и Августу, чтобы ученіе ея не прерывалось, тѣмъ болѣе, что она уже съ большимъ успѣхомъ проходитъ вторую конъюгацію правильныхъ глаголовъ...

— «Само собою разумѣется. Я безъ Августы не поведу. Я пропаду съ тоски.»

И совѣтъ не слушалъ уже ни въ чемъ старшаго своего совѣтника. Тщетно Робертъ пугалъ бурями, подводными камнями, неудобствами плаванія на лодкахъ въ такое время, когда природа любитъ играть съ моремъ. За шумнымъ обѣдомъ баронесса изрекла слово согласія. Молодежь въ восторгъ принялась готовить увеселительную повѣзку и утреннее солнце слѣдующаго дня освѣтило флотилію парусныхъ или, такъ называемыхъ, островскихъ

лодокъ, украшенныхъ флагами, устланныхъ копрами. Профессоръ спаряжалъ лодку, на которой должна была вѣхать баронесса. Мачта оканчивалась золотымъ голубемъ, который держалъ флагъ съ надписью: *Victoria ad victos descendit*. Парусъ былъ окрашенъ зеленою краскою (цвѣтъ надежды); на носу сидѣлъ лебедь съ распущенными крыльями, а на кормѣ самъ профессоръ, неизвѣстно по какому поводу въ шлемъ и латахъ, которыя онъ, не безъ труда, выпросилъ у Роберта изъ оружейной замка. Прибытіе баронессы съ дочерью на пристань возвѣщено было пушечными выстрѣлами. На многихъ лодкахъ раздавалась музыка; вѣтеръ не благопріятствовалъ плаванію и потому съ мѣста пошли на веслахъ. На лодкѣ баронессы, кромѣ хозяйки съ дочерью, профессора на руль и двухъ старыхъ, но богатыхъ селадоновъ, ни кого не было. Молодежь хотѣла показать свою удалъ на собственныхъ суденышкахъ, и потому плаваніе сначала не обѣщало большаго удовольствія. Но, пока, сердце Отилиі еще никому не принадлежало положительно, даже мужу. Она легко понимала, что если отдастъ преимущество одному, то потеряетъ всѣхъ. Баронесса была добродѣтельна по расчету, и если можетъ быть ей и нравился кто-либо болѣе другихъ, то счастливецъ наименѣе могъ замѣтить свое счастье. Баронесса умѣла заглушать душевныя движенія и давать имъ направленіе *ad libitum*.

— «И море взволновалось, увидавъ невиданную богиню красоты на своемъ лонѣ», сказалъ одинъ изъ селадоновъ...

.

— «Я привыкла съ дѣтства не бояться моря. Для Фяпковъ оно больше отчизна, чѣмъ гранитныя наши скалы. Мы будто родились въ морѣ.»

— «А вы плаваете...»

— «Не только я, Августа проплыветъ, я думаю, до берега.»

— «Дальше, маменька...»

— «Вотъ видите. Я не испытала, но мнѣ кажется, что буря одушевила бы меня необыкновенною силою и не одолѣла бы въ волнахъ. Я доплыла бы до берега.»

— «Волны бы донесли васъ, баронесса, а люди бы имъ завидовали.»

— «Мнѣ одного жаль, что мы идемъ на веслахъ.»

— «Поставьте парусъ!» сказалъ профессоръ, но лоцманъ, который про-случай помѣстился возлѣ профессора, сказалъ:

— «Не совѣтую! Погода ненадежна, на веслахъ мы доберемся до Або. Долго, но за то безопасно. Вѣтеръ меня не радуетъ.»

И всѣ смолкли. Какая-то грусть разлилась по всѣмъ лицамъ; вѣтеръ крѣпчалъ; погода видимо измѣнялась; на полпути страшная загадка разрѣшилась сильнымъ штормомъ: и флагъ и голубь давно уже улетѣли съ мачты; нѣсколько разъ попадали на мель; но больше счастьемъ, чѣмъ искусствомъ лоцмана, удавалось спасать и лодку и пловцевъ; не только спутниковъ, но уже ничего нельзя было видѣть въ густой ткани проливнаго дождя; волны вставали огромными горами, вынося на

своемъ темени пловцевъ, которые забыли о своей храбрости и, прижимаясь другъ къ другу, съ ужасомъ безмолвно глядѣли, въ какую процасть бросятъ ихъ буря, какою волною велитъ море стереть ихъ съ лица земли. Одинъ только профессоръ не молчалъ. По-шведски, по-фински, по-латынѣ призывалъ на помощь боговъ Рима. Блеснулъ и лучъ утѣшенія: сквозь сѣть дождя, въ жемчужной пѣнѣ волнъ, изрѣдка на горизонтѣ возвышались и чернѣли мачты и ребра кораблей. Вотъ одинъ корабль явственнѣе выступилъ на сцену въ десяти шагахъ; но мнимое спасенье обратилось въ гибель: лодка набѣжала на якорный канатъ того же корабля, перевернулась и — пловцевъ не стало!

— «Фабіанъ? Видѣлъ?» спросилъ одиннадцатилѣтній мальчикъ у своего сверстника, который копался въ небольшой лодкѣ; третій мальчикъ десяти лѣтъ несъ на берегъ весла. То были дѣти финскихъ матросовъ. Заслыша бурю, они на плохой своей дѣтской лодкѣ понеслись на дерзкую прогулку; прогулялись, устали и воротились благополучно къ родной скаль.

— «Видѣлъ!» отвѣчалъ Фабіанъ.

— «Такъ чего же мѣшкаешь; эй, Карлъ! неси весла назадъ! Надо у моря людей отвязать, а не то утонуть.»

Безъ удивленія выслушали товарищи рѣчь Эрика и въ нѣсколько мгновѣній, не лодка, а нѣчто въ родѣ большой солонки, управляемой тремя пигмеями, какъ щепка перебѣгало съ волны па волну; дружно махали весла, будто крылья у окуня; вотъ до-

неслись они и до корабля, съ котораго немалое число зрителей глядѣли въ воду и разсуждали комитетомъ: можно ли, должно ли въ такую бурю подать помощь утопающимъ; наши филппскіе матросики не обратили даже вниманія на комитетъ; ихъ занимало другое зрѣлище: весьма близко плавало что-то похожее на узелъ; крикъ увѣрялъ, что этотъ узелъ живеть; усилія ихъ удвоились, они достигли своей добычи. Эрикъ бросилъ канатъ; дитя уцѣпилось за него обѣими рученками; Эрикъ употребилъ все свои силы, волна помогла ему и Августа очутилась въ лодкѣ.

— «Боже мой!» закричала она будто въ горячкѣ. «Гдѣ маменька? Спасите, помогите, вотъ она! Божусь, она!»

И точно, послѣднія силы баронессы были уже наисходъ; борьба была слишкомъ продолжительна для женщины; еще нѣсколько мгновѣній и никакое искусство не могло бы спасти Отилію, но солонка была уже подлѣ, тотъ же канатъ въ ее рукахъ; но какъ попасть въ лодку. Для такой дородной, роскошной тяжести силъ всѣхъ трехъ пигмеевъ было бы слишкомъ мало.

— «Ступай къ кораблю!» скомандовалъ Эрикъ. Баронесса не безъ труда плыла на буксирѣ и когда подѣхали къ кораблю, съ него уже была спущена лодка; подвигъ пигмеевъ пристыдилъ комитетъ; онъ рѣшился подать позднюю помощь — и принялъ баронессу Отилію не безъ смущенія. Едва только она съ дочерью перебралась на корабль, пигмеи, почитая экспедицію свою оконченною, пустились

въ обратный путь, прежнимъ порядкомъ вошли въ свою гавань, за высокую скалу, разснастили судно, то есть, спесли на берегъ весла и руль, и бѣгомъ побѣжали къ небольшой лачужкѣ, сколоченной изъ досокъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ гнѣвный голосъ стараго Эрика.

— «Эрикъ,» сказалъ старикъ: «не всякая буря вѣтору молодцу. Иной погодѣ надо кланяться, съ другой бороться, отъ третьей сторонить. Однако жѣ, спасибо, сынокъ! Все видѣлъ. Не всякая чайка пролетитъ по заливу по-твоему въ такой глупый штормъ. Спасибо! Чай измучились? Прилягьте, а я вамъ принесу коржей и мяса.»

Отецъ ушелъ, но сынъ стоялъ въ раздумьѣ у родимаго порога и глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ опрокинулась лодка.

— «Ну, Эрикъ? Объ чемъ?»

— «Объ чемъ? Вѣдь на лодкѣ той не одно же это бабье было. А другіе гдѣ? Вотъ только эту черную шляпу подхватилъ багромъ, а гдѣ тотъ, съ чьей головы эта шляпа...»

— «Всѣхъ утопленниковъ не выудишь,» сказалъ отецъ, принося крѣпкія какъ гранитъ черные коржи хлѣба и говядину въ деревянной посудинѣ. «Вы больше сдѣлали чѣмъ могли. Другихъ пусть выручаютъ другіе. Вотъ видишь, погода стихаетъ. Вотъ съ корабля идутъ на поискъ. Во-время! Ужъ и видно, что не Финны! Ну, да полно объ этомъ. Покушайте, да засните, дѣти. Завтра пойдетъ въ путь и нашъ корабль, если будетъ вѣтеръ; такъ знаете ли что, возьму я и васъ, чашекъ, съ собою: даромъ-